

Глава 1

Настоящая сцена из кошмара. Гидеон Вестбрук, виконт Сент-Джастин, рассматривал с порога маленькую и, как ни странно, даже уютную прихожую ада. Повсюду — кости. Словно разбросанный дьяволом мусор, лежали свирепо ухмыляющиеся черепа, выбеленные ребра, расколотые бедра. Камни, с вкрапленными в них зубами, конечностями и прочими диковинными ископаемыми, сложены на подоконнике. В углу — сваленные в кучу позвонки.

Посреди этого ужасающего беспорядка как ни в чем не бывало расположилась маленькая изящная женщина в перепачканном переднике. На непослушной гриве вьющихся каштановых волос чудом удерживался сбитый набекрень белый кисейный чепчик. Женщина, по внешнему виду молодая, сидела за массивным столом красного дерева — Гидеон видел пока лишь ее грациозно выпрямленную спину. Леди сосредоточенно рисовала, все ее внимание поглощала длинная, заключенная в камень кость.

На ловких пальчиках, державших перо, не было обручального кольца. Следовательно, перед ним одна из дочерей, а не вдова преподобного Помероя.

«Только этого мне не хватало, — мелькнуло в голове Гидеона, — еще одна дочка приходского священника».

Дочь предыдущего пастыря умерла, а ее го-
рюющий родитель уехал подальше от горьких

воспоминаний. Отец Гидеона назначил на его место преподобного Помероя. Но четыре года назад Померой отошел в мир иной, и Гидеон, который к тому времени занялся фамильными землями, решил, что можно обойтись и без священника. Состояние духа жителей Аппер-Биддлтона мало волновало хозяина поместья.

По соглашению между Помероем и отцом Гидеона семья священника после его смерти осталась жить в своем доме. Арендная плата вносилась вовремя, а до остального Гидеону не было дела.

Еще какое-то время он рассматривал забавлявшую его необычную сцену, затем оглянулся, надеясь увидеть того, кто не притворил за собой дверь. Однако за спиной никого не было. Гидеон снял касторовую шляпу с загнутыми кверху полями и вошел в маленький холл. Вслед за ним влетел стремительный морской ветер. Стоял конец марта, и хотя день для весны выдался невероятно теплым, воздух на побережье оставался прохладным.

Вид молодой леди посреди заваленного старыми костями кабинета не только позабавил, но и заинтриговал Гидеона. Он пересек холл, стараясь не стучать каблуками ботфортов по каменному полу. Гидеон был огромным мужчиной, некоторые даже называли его монстром, и он, пытаясь как-то сгладить это впечатление, научился передвигаться бесшумно. Он и так был объектом пристального внимания окружающих.

Задержавшись в дверях кабинета, он продолжил наблюдение за леди. Удостоверившись, что она слишком поглощена рисованием, чтобы обнаружить его присутствие, Гидеон нарушил чары тишины.

— Доброе утро, — произнес он.

Молодая женщина испуганно вскрикнула, выронила перо и мгновенно вскочила на ноги.

Развернувшись, она посмотрела на Гидеона, на ее лице застыл ужас.

Такая реакция не удивила виконта. Красавцем он никогда не был, а глубокий шрам, пересекавший, подобно молнии, левую сторону подбородка, только усугублял впечатление.

— Вы, черт возьми, кто такой? — Молодая женщина, спрятав руки за спиной, лихорадочно пыталась запихнуть свои рисунки под дневник — подальше от любопытных взоров. Испуг в ее огромных, бирюзового цвета глазах сменился мрачным подозрением.

— Сент-Джастин, — улыбнулся Гидеон холодной вежливой улыбкой, прекрасно сознавая, как зловеще в этот момент выглядит его шрам. Он ждал, когда в ее блестящих глазах появится отвращение.

— Сент-Джастин? Лорд Сент-Джастин? Виконт Сент-Джастин?

— Да.

Вместо отвращения в ее зеленовато-голубом взгляде читалось явное облегчение.

— Слава богу!

— Не часто меня приветствуют с таким радушием, — пробормотал Гидеон.

Молодая леди резко опустила на стул и сердито сдвинула брови:

— Бог ты мой! Ну и напугали же вы меня, милорд! Что это вы себе позволяете — незаметно подкрадываетесь, пугая людей?!

Гидеон многозначительно посмотрел через плечо на раскрытую дверь.

— Если вас тревожит возможность посещения вашего дома незваными гостями, то, без сомнения, лучше было бы всегда держать дверь на замке.

Она проследила за его взглядом.

— О господи! Миссис Стоун забыла закрыть ее. Она, знаете ли, очень верит в благотворное влияние свежего воздуха. Прошу вас, милорд, проходите.

Она снова вскочила на ноги и схватила с единственного свободного от окаменелостей стула две огромные книги. На мгновение она замешкалась, выискивая среди камней место, куда можно было пристроить два тома. В конце концов, отчаявшись, она небрежно бросила книги на пол.

— Прошу вас, сэръ, садитесь.

— Благодарю вас.

Гидеон не спеша вошел в кабинет и осторожно опустился на казавшийся под ним совсем крохотным стульчик. Современная мода на хрупкую изящную мебель не очень-то подходила для его размеров и веса. Гидеон с облегчением вздохнул, убедившись, что стул выдержал.

Виконт бросил взгляд на книги, только что лежавшие на его стуле: «Теория Земли» Джеймса Хаттона и плеифеаровские «Иллюстрации к Теории Земли Хаттона». Книги и битком набитая камнями комната многое объясняли. У хозяйки дома была, без сомнения, страсть к окаменелостям.

Видимо, ее привычка иметь дело с выбеленными ухмыляющимися черепами и послужила причиной того, что она не испугалась изуродованного шрамом лица, заключил Гидеон. Судя по всему, ужасные зрелища ей были не в диковинку. Пока леди собирала остатки своих набросков и записок, виконт внимательно изучал ее. Без преувеличения, дама была своеобразна.

Неистовая грива роскошных волос давным-давно вырвалась из-под чепчика, несмотря на воткнутые наугад шпильки. пышная масса, подобно мягкому блестящему облаку, вздымалась вокруг лица молодой леди.

Ее нельзя было назвать красавицей и даже очень хорошенькой, по меркам современной моды. Однако ее улыбка ослепляла. Эта улыбка, как и ее хозяйка, была заряжена энергией и жизненной силой. Гидеон заметил, что два маленьких белых зуба слегка выдавались вперед. Почему-то это показалось ему необычайно очаровательным.

У нее был маленький острый носик и поразительные глаза, светившиеся живым умом, из-за чего хозяйка дома казалась любознательной и даже слегка воинственной. Гидеон решил, что она, без сомнения, не принадлежала к типу скромных, застенчивых или жеманных дам. Она любого сумеет поставить на место. Гидеону это пришлось по душе.

Глядя на ее лицо, он подумал об умненькой кошечке, и внезапно ему неудержимо захотелось приласкать странную леди, но виконт сдержался. По собственному горькому опыту он знал, что дочери священников могут оказаться гораздо более опасными, чем это представляется на первый взгляд. Однажды он уже здорово обжегся, и с него довольно.

Гидеон решил, что хозяйке чуть за двадцать. «Интересно, — размышлял он, — она все еще не замужем потому, что нет приданого, или потенциальных женихов отпугивает ее увлечение старыми костями? Не много найдется джентльменов, готовых предложить руку и сердце даме, которая уделяет больше внимания окаменелостям, чем поклонникам».

Гидеон быстро скользнул взглядом по ее фигуре. Муслиновое платье с высокой талией, некогда бронзового цвета, давно полиняло и стало неопределенного коричневатого оттенка. В скромном вырезе виднелась плиссированная шемизетка.

О том, что скрывалось за шемизеткой и передником, оставалось только догадывать-

ся. Тем не менее Гидеону показалось, что он разглядел мягкую округлость груди и стройную талию. Он не спускал с дамы глаз, пока она, торопясь, огибала стол, чтобы снова усестись на место. Когда она резко повернулась, под легким муслином обрисовались ее соблазнительные формы.

— Сами видите, милорд, вы застали меня врасплох. — Она запихнула еще несколько набросков под один из номеров «Трудов Общества любителей древностей и ископаемых» и с упреком посмотрела на Гидеона. — Прошу простить меня за мой вид, но сегодня утром я не ожидала вашего приезда, поэтому вряд ли меня можно обвинить в том, что я одета неподобающим образом.

— Не беспокойтесь по поводу вашего наряда, мисс Померой. Откровенно говоря, меня это ничуть не оскорбляет. — Гидеон слегка приподнял брови, вежливо уточняя: — Вы ведь мисс Гарриет Померой, верно?

Она слегка покраснела.

— Да, конечно, милорд. Кем же еще я могу быть? Вы, вероятно, думаете, что перед вами невоспитанная девчонка. Действительно, тетя постоянно твердит, что моим манерам не хватает изящества. Все дело в том, что дама в моем положении никогда не может переусердствовать, соблюдая осторожность.

— Понимаю, — холодно ответил Гидеон, — репутация леди — довольно хрупкая вещь, а для дочери приходского священника вдвойне, я прав?

Гарриет посмотрела на него непонимающим взглядом:

— Прошу прощения, милорд?

— Может быть, вам следовало бы пригласить кого-нибудь из родственников или экономку? Пусть присоединятся к нам ради вашей репутации.

Гарриет захлопала ресницами, а ее голубые с зеленоватым оттенком глаза распахнулись от удивления.

— Репутация? Господи, да я же не о репутации вела речь, милорд! Угроза быть обесчещенной за всю мою жизнь еще ни разу не вставала передо мной, а поскольку мне уже почти двадцать пять, смею предпочесть, что и в будущем не столкнусь с заботами подобного рода.

— Ваша матушка не потрудилась предупредить вас, что с незнакомцами следует вести себя осторожно?

— Господи, нет. — Вспомнив о матушке, Гарриет улыбнулась: — Папа называл ее святой. Она ко всем была милосердна, никому не отказывала в гостеприимстве. Она погибла, когда перевернулся экипаж, за два года до того, как мы перебрались в Аппер-Биддлтон. Это случилось в январе, она везла беднякам теплую одежду. Мы все очень долго безутешно грустили по ней. Особенно папа.

— Понятно.

— Если вас беспокоят приличия, милорд, я вряд ли смогу вам помочь, — непринужденно продолжала Гарриет. — Тетя с сестрой отправились в деревню делать покупки. Экономка была где-то здесь, но, мне кажется, попытайся вы меня обесчестить, от нее будет мало проку. При малейшем намеке на неприятность она падает без чувств.

— Вы правы, — согласился Гидеон. — Молодой леди, которая жила здесь до вас, экономка действительно не очень-то помогла.

— Так вы знакомы с миссис Стоун? — заинтересовалась Гарриет.

— Мы познакомились несколько лет назад, когда я жил по соседству.

— Конечно, она ведь служила экономкой у предыдущего священника, да? Она досталась

нам вместе с домом. Тетя Эффе говорит, что ее присутствие наводит жуткую тоску, и я с ней полностью согласна. Но папа всегда считал, что нужно быть снисходительным к недостаткам других. Он говорил, что мы не можем дать ей расчет, ибо вряд ли ей удастся найти другую работу в округе.

— Точка зрения, заслуживающая всяческих похвал. Но как бы то ни было, у вас на шее достаточно мрачная экономка, если только миссис Стоун не сильно изменилась с годами.

— По всей видимости, нет. Во многом она — как глас судьбы. Папа был добрым человеком, пусть и не очень практичным. Я изо всех сил стараюсь поступать по его принципам, хотя временами, признаться, это бывает чрезвычайно трудно. — Гарриет подалась вперед и скрестила руки на груди. — Однако сейчас это не имеет никакого значения, и, если позволите, я вернусь к интересующей меня теме.

— Разумеется. — Гидеон неожиданно отметил, что все происходящее начинает ему нравиться.

— Когда я сказала, что не могу переусердствовать, соблюдая осторожность, я имела в виду необходимость защитить нечто бесконечно более важное, чем моя репутация, сэр.

— Вы меня удивляете. Неужели может быть что-нибудь более важное, мисс Померой?

— Моя работа, разумеется. — Гарриет откинулась на спинку стула, устремив на Гидеона взгляд многоопытного человека. — Сэр, вы человек света. Не сомневаюсь, вы много путешествовали. Иными словами, узнали жизнь. Вы должны прекрасно понимать, что повсюду орудуют бессовестные мошенники.

— Неужели?

— Не приходится сомневаться. Позвольте вам заметить, найдутся и такие, кто спосо-

бен украсть открытые мной ископаемые и выдать их за свои собственные находки даже без намека на угрызения совести. Я понимаю, такому благородному джентльмену, как вы, трудно признать существование людей, способных пасть так низко, но это горькая правда. От фактов не спрячешься. Мне приходится постоянно быть настороже.

— Понятно.

— Итак, мне бы не хотелось показаться излишне подозрительной, милорд, но чем вы удостоверите свою личность?

Гидеон потерял дар речи. Для большинства людей вполне хватало шрама на его лице, чтобы «удостоверить его личность». Особенно здесь, в Аппер-Биддлтоне.

— Я ведь уже представился, меня зовут Сент-Джастин.

— Боюсь, я вынуждена настаивать на том, чтобы вы подтвердили это документально. Как я уже говорила, в моем положении излишняя предосторожность не помешает.

Гидеон пытался оценить сложившуюся ситуацию и никак не мог понять, что ему делать — смеяться или негодовать. Так и не решив, он покорно полез в карман и достал письмо.

— Как я понимаю, это ваше послание, мисс Померой? Оно у меня и, надеюсь, является достаточным доказательством, что я — Сент-Джастин.

— Ах да. Мое письмо. — Она с облегчением улыбнулась. — Значит, вы все-таки получили его. И сразу же приехали. Я знала, что вы так и сделаете. Все говорят, что вы давно махнули рукой на все происходящее здесь, в Аппер-Биддлтоне, но я-то не сомневалась в ошибочности подобных суждений. В конце концов, вы ведь отсюда родом, верно?

— Истинная правда, — сухо ответил Гидеон.

— В таком случае у вас должны быть прочные связи с нашей землей. Ваши корни здесь, пусть вы и решили жить в одном из других поместий. Вы просто не можете не испытывать чувства долга и ответственности перед родными местами.

— Мисс Померой!

— Не можете же вы отвернуться от деревни, что вас вскормила. Вы — виконт, наследник графского титула. Вам известно, что стоит за словом «обязанность», и...

— Мисс Померой! — Гидеон поднял руку, призывая ее замолчать. Когда это помогло, он даже удивился. — Давайте-ка расставим все точки над «i», мисс Померой. Я сомневаюсь, что меня чрезмерно заботит судьба Аппер-Биддлтона, мне хватает и того, что земли приносят доход. Случись так, что они перестанут приносить достаточную прибыль, смею вас уверить, я продам их без угрызений совести.

— Но жизнь большинства людей в округе так или иначе зависит от вас! Будучи крупнейшим землевладельцем этих мест, вы обеспечиваете экономическую стабильность целого региона. Этого-то вы не можете отрицать.

— Мои интересы в Аппер-Биддлтоне чисто финансовые и лишены какого-либо эмоционального оттенка.

От подобного заявления Гарриет, казалось, опешила, но тут же нашлась:

— Вы смеетесь надо мной, милорд. Бесспорно, судьба деревни вам небезразлична. Вы ведь откликнулись на мое письмо, разве не так? Вот вам и доказательство моей правоты.

— Мисс Померой, меня сюда привело обычное любопытство, ничего более. Ваше письмо — не что иное, как высочайшее повеление. Я не привык, чтобы меня вызывали незнакомые мне особы и тем более чтобы они читали мне лекции по поводу моего

долга и обязанностей. Должен признать, мне было в высшей степени интересно встретиться с дамой, которая считает, что имеет право на такую дерзость.

— Ах! — На лице Гарриет появилось выражение настороженности. Впервые с того момента, как приехал виконт, она, видимо, осознала, что он не совсем в восторге от назначенного ею свидания. Она попробовала улыбнуться. — Простите меня, милорд. Вероятно, тон моего письма был несколько категоричным.

— Мягко сказано, мисс Померой.

Чуть прикусив нижнюю губу, она напряженно смотрела на гостя.

— Должна признать, что временами я склонна быть... резковатой.

— Напористой — более точное определение. Или, может быть, требовательной. Даже деспотичной.

Гарриет вздохнула:

— Наверное, это обусловлено тем, что мне постоянно приходится принимать решения. Папа был прекрасным человеком во многих отношениях, но он больше интересовался делами церкви и жизнью своих прихожан, а не повседневными заботами родных. Тетя Эффе милейшее создание, но у нее другое воспитание, чтобы вести дела, понимаете? А моя сестра только что выпорхнула из детской. У нее нет жизненного опыта.

— А вы очень давно ведете хозяйство и научились отдавать команды и приказы, касающиеся домашних дел, — заключил Гидеон. — Вы это подразумеваете, мисс Померой?

Она улыбнулась: его пронизательность явно пришлась ей по душе.

— Именно это. Вижу, вы меня поняли. Не сомневаюсь, вы понимаете также, что кто-то должен постоянно принимать решения и прокладывать курс.

— Пожалуй. Как на капитанском мостике? — Гидеон представил Гарриет Померой капитаном одного из кораблей его величества и подавил мимолетную ухмылку. Гарриет в морской форме — это будет захватывающее зрелище. Виконт готов был поставить кругленькую сумму на то, что кормовая часть мисс Померой в бриджах будет выглядеть весьма заманчиво.

— Да, как на капитанском мостике, — согласилась Гарриет. — Таким образом, чаще всего решения принимаю я.

— Понятно.

— Далее. У меня остались серьезные сомнения по поводу того, что вы проделали такой путь из ваших северных имений с одной лишь целью — удовлетворить любопытство относительно дамы, написавшей вам в несколько резковатом тоне. Все-таки дела в Аппер-Бидлтоне вам небезразличны, признайтесь, милорд.

Гидеон пожал плечами и спрятал письмо в карман.

— Не стану спорить, мисс Померой. Я здесь, так что давайте займемся делом. Окажите любезность и сообщите мне наконец, что это за мрачная угроза, о которой вы упоминаете в письме, и почему дело надо решать с максимальной осмотрительностью?

Гарриет улыбнулась:

— О господи, мало того, что я показалась вам категоричной, я еще и описала все в мрачных красках! Мое письмо, вероятно, напомнило вам один из готических романов Радклиф*.

— Совершенно верно, мисс Померой. — Гидеон не стал сообщать ей, что письмо он перечитал несколь-

* Анна Радклиф (1764–1823) — английская писательница, одна из основоположников «готического жанра» (романа ужасов, «черного романа»). — *Здесь и далее примеч. пер.*

ко раз. Было в нем что-то такое — пылкий призыв о помощи, живое, чересчур драматичное построение фраз, — из-за чего ему ужасно захотелось встретиться с автором.

— Дело в том, сэр, что я не должна сомневаться, что полностью завладела вашим вниманием.

— Можете быть уверены, вы им завладели.

Гарриет снова подалась вперед и деловито скрестила руки.

— Если говорить открыто, милорд, недавно мне стало известно, что Аппер-Биддлтон, по всей видимости, является логовом шайки опасных бандитов и головорезов.

Веселья Гидеона как не бывало. Он вдруг подумал, а не сумасшедшая ли перед ним.

— Видимо, вы сочтете возможным пояснить данное заявление, мисс Померой?

— Пещеры, милорд. Вы, наверное, помните, что в скалах огромное количество пещер. Они ведь на ваших землях. — Она в нетерпении махнула рукой в сторону распахнутой двери, на гряде голых скал, застывших на страже побережья. — Злодеи облюбовали одну из пещер в скалах на берегу.

— Я достаточно хорошо знаю пещеры. Для Хардкаслов от них никогда не было никакого проку. Моя семья всегда позволяла охотникам за ископаемыми и любителям всего необычного исследовать их сколько душе угодно. — Гидеон нахмурился: — Не хотите ли вы сказать, что кто-то использует пещеры для сокрытия преступлений?

— Совершенно верно, милорд. Я обнаружила это несколько недель назад, когда обследовала новый проход в скалах. — В глазах Гарриет вспыхнул огонь. — Именно в этом проходе, сэр, я следовала многообещающие открытия. В том числе